

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ—
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Гebraистика

Среди востоковедных наук гebraистике издавна приписывалось большое значение.

Еще во второй половине XVIII в. при Московской университетской гимназии пытались подготовить квалифицированные кадры семитологов-гебраистов из числа учащихся, пожелавших бы заниматься еврейским и халдейским¹ языками. Но таковых не оказалось². Вскоре после этого Екатерина II отправила 12 семинаристов в заграничную командировку для изучения семитских языков, между которыми древнееврейский язык считался тогда важнейшим. Через несколько лет командированные вернулись в Россию основательно подготовленными, как показали испытания, произведенные специальной комиссией при АН в Петербурге. Тем не менее эти несколько человек не нашли применения своим знаниям и не имели преемников³.

Со дня основания АМ до конца XIX в. в нем отсутствовали письменные памятники, какие могли бы служить базой для развития интереса к северо-западной ветви семитских языков и литератур. Отчет Б. А. Дорна в 1845 г. называет в перечне коллекций лишь 15 еврейских монет⁴.

В ряду русских гebraистов-семитологов, связанных с АМ, первым стоит Даниил (Иосиф) Абрамович Хвольсон, личность и деятельность которого определили на многие десятилетия вперед направление развития гebraистики и семитологии как в стенах АН, так и университете.

Выходец из бедной еврейской семьи в Вильно, Д. А. Хвольсон самоучкой прошел курс гимназии, экстерном сдал экзамены и с помощью выдающегося гebraиста А. Гейгера поступил в Бреславльский университет, где занимался восточными

¹ Т. е. библейско-арамейским.

² Крачковский, Очерки, стр. 39.

³ Там же, стр. 38.

⁴ Дорн, Аз. Муз., стр. 28.

языками, уделив больше всего внимания арабскому. В Германии и Австрии Д. А. Хвольсон работал над рукописными источниками по истории еврейско-арабских литературных связей, стремясь проследить также следы древневосточных культур в средневековой арабской литературе. В короткий срок Хвольсон завоевал себе почетное имя среди выдающихся арабистов того времени. Их отзывы о нем способствовали тому, что АН России напечатала в серии своих публикаций его двухтомный труд⁵. К тому времени Д. А. Хвольсон переехал в Россию и возглавил кафедру еврейской, сирийской и халдейской словесности только что открытого ФВЯ Санкт-Петербургского университета. В течение 25 лет (1858—1884) он вел также кафедру еврейского языка и библейской археологии в Петербургской духовной академии.

Основная линия научных интересов Хвольсона лежала в области арабоязычной культуры и ее связей с культурой других народов. Его труды ввели в науку целые группы открытых на территории России и за ее пределами новых памятников семитической письменности. Сюда относятся исследование надгробных надписей из Крыма на древнееврейском языке⁶, перевод надписи моавитского царя Меши⁷. Это лишь наиболее значительные из его трудов.

Для истории русской культуры имеет большое значение перевод Библии с еврейского оригинала на современный русский язык, выполненный под руководством и при непосредственном участии Д. А. Хвольсона. Сам Хвольсон единолично перевел труднейший текст Кн. Иова и Притчей Соломоновых.

В течение своей долгой жизни Хвольсон многократно использовал собрание арабских рукописей АМ. Будучи любителем старинных книг, он сам собирал их и перед смертью передал свою коллекцию музею.

Еще при жизни Хвольсона его преемником в науке стал его ученик П. К. Коковцов, который был также учеником и В. Р. Розена. После окончания гимназии он поступил на ФВЯ Петербургского университета по еврейско-арабско-сирийскому разряду. Он единственный среди известных русских семитологов владел всеми семитскими языками и видами письменности, включая ассиро-вавилонскую клинопись и эфиопское письмо. Сверх того, в университетские годы он прослушал полный курс арабско-персидско-турецкого разряда и занимался санскритским языком⁸. В своих первых работах он выступал как эфиопист, но основные его интересы лежали в

⁵ «Die Ssabier und der Ssabismus», Bd 1—2, St.-Pbg., 1856.

⁶ «Achtzehn hebräische Grabinschriften aus der Krim», St.-Pbg., 1860.

⁷ «Новооткрытый памятник моавитского царя Меши», — «Христианское чтение», 1870, № 8, стр. 1—131.

⁸ П. К. Коковцов, Автобиография, — Материалы для биографического словаря действ. чл. АН, ч. I, Пг., 1916, стр. 326—329.

области изучения еврейско-арабской письменности и семитской эпиграфики. Его исследования средневековой еврейской филологии были построены целиком на новых источниках, извлеченных им из богатейшего собрания Фирковича. Опубликованные два тома «К истории средневековой еврейской филологии и еврейско-арабской литературы», отделенные друг от друга большим промежутком времени⁹, остаются свидетельством его таланта, эрудиции и научной строгости исследования. П. К. Коковцов наметил также материалы для девяти томов задуманной им серии, как видно из его архива. Как Д. А. Хвольсон, Коковцов был крупнейшим семитологом-эпиграфистом, его работы интерпретировали финикийские, еврейские и арамейские надписи, в том числе самый большой по объему памятник семитской эпиграфики, так называемый «Пальмирский тариф». В своей профессорской деятельности Коковцов также стал преемником Хвольсона — с 1884 г., когда он был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности, и до начала 30-х годов XX в. Он вел занятия по всему курсу семитологической письменности и еврейской литературы библейского, мишнаидского и средневекового периодов. Сотни листов, заполненных выписками и заметками по каждому кругу лекций и семинаров, сохранившиеся в его архиве, показывают необычайный диапазон его знаний.

С 1903 г. Коковцов принимал участие в работе АН как адъюнкт, в 1906 г. — экстраординарный академик, в 1919 г. был избран действительным ее членом¹⁰. По этой линии ему приходилось соприкасаться с деятельностью еврейского и мусульманского отделов АМ¹¹.

Однако научное изучение еврейской письменности в стенах АМ на рубеже XIX—XX вв. начали не гебраисты. Материалами для них послужили памятники еврейско-персидской литературы, которыми в конце прошлого века заинтересовался директор музея иранист К. Г. Залеман. Он отлично понимал важность для иранской филологии издания и изучения еврейско-персидских текстов и посвятил им ряд своих трудов. В его планы входило издание серии *Judaeo-Persica*, первым выпуском которой в 1897 г. явилась «Худайдат-наме», поэма, написанная на бухарском диалекте еврейско-персидского языка и хранившаяся в рукописи в собрании Фирковича¹². Второй

⁹ «Книга сравнения еврейского языка с арабским» Абу Ибрагима (Исаака) Ибн Баруна, СПб., 1893; «Новые материалы для характеристики Иехуды Хайюджа, Самуила Нагида и некоторых других представителей еврейской филологической науки в X, XI и XII веках», Пг., 1916.

¹⁰ К. Б. Старкова, Семитология в СССР за 40 лет, — ЗИВАН, XXV, 1960, стр. 263—267.

¹¹ С 10 января 1910 г. по поручению ОИФ наблюдал за каталогизацией «Библиотеки Фридланда» (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1817—1929), № 54).

¹² S a l e m a n, *Judaeo-Persica*, I, *Chudaidat*, St.-Pbg., 1897.

выпуск включил стихи еврейского поэта Ибрахима бен Абдулхейра по рукописи АМ из собрания А. Л. Куна. В 1901 г. уже было сверстано издание «Малых Пророков» по еврейско-персидским рукописям ГПБ, но книга не появилась, причины остались невыясненными. К этой работе К. Г. Залеман готовился около 20 лет, как видно из тетради его архива, содержащей начало Glossarium Judaeo-Persicum на буквы алеф — гимел к переводам книг пророков с датой «1885»¹³. В дальнейшем дело, начатое Залеманом, частично продолжили А. А. Фрейман и И. И. Зарубин. К тому же кругу работ Залемана принадлежит предложенное им чтение и филологический анализ древнейшего документа на еврейско-персидском языке, привезенного Аурелем Штейном из Хотана (VIII в.)¹⁴. Некоторую помощь в изучении текста К. Г. Залеману оказали С. Е. Винер и П. К. Коковцов¹⁵.

В 1892 г. АМ получил в дар обширную библиотеку еврейских книг и рукописей Л. П. Фридланда. Над ее систематизацией и описанием работал библиограф, знаток еврейской печатной книги С. Е. Винер (1860—1923). Он продолжал это дело в музее на средства, специально выделенные для этого по завещанию Л. П. Фридланда. В 1914 г. он получил звание младшего ученого хранителя, оставаясь сверхштатным сотрудником¹⁶. Кроме того, он разбирал и регистрировал еврейские книги и рукописи, продолжавшие поступать в АМ. В 1918 г., сделавшись штатным сотрудником АМ, он инвентаризировал все еврейские рукописи собрания¹⁷. Его упорная и систематическая работа потребовала огромных знаний и принесла плоды, которыми до сих пор пользуются все интересующиеся еврейскими печатными источниками, хранящимися в нашей библиотеке. За годы своей работы в музее С. Е. Винер подготовил и издал семь выпусков каталога еврейских книг «Bibliotheca Friedlandiana»¹⁸. По замыслу издания, в завершеном виде каталог должен был служить «одним из первоисточников еврейской библиографии»¹⁹. К сожалению, после смерти С. Е. Винера работа продолжалась с такими перерывами, что в настоящее время находится почти на том же месте, где он ее оставил.

Революция внесла существенные изменения в развитие гебраистики-семитологии в АМ, который стал еще в боль-

¹³ А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, — ОИРВ, IV, 1959, стр. 93—95.

¹⁴ К. Г. Залеман, По поводу еврейско-персидского отрывка из Хотана, — ЗВОРАО, XVI, 1904, стр. 046—057.

¹⁵ Там же, стр. 046.

¹⁶ Отчет АМ, 1914, стр. 4; см. также: ЛО ААН, ф. 4, оп. 4, № 722.

¹⁷ Отчет АМ, 1918, стр. 8.

¹⁸ «Catalogus librorum impressorum hebraeorum in Museo Asiatico. Opera et studio Samuelis Wiener», Fasc. 1—7, Petropoli, 1893—1918.

¹⁹ Отчет АМ, 1916, стр. 231.

шем масштабе, чем раньше руководящим центром востоковедения²⁰. В результате структурных изменений был создан специальный Еврейский отдел. С этого времени часть научной деятельности акад. П. К. Коковцова была связана с АМ, так как он редактировал подготовленные к изданию выпуски каталога библиотеки Фридланда и руководил подготовкой новых выпусков ее. Кроме того, его последняя крупная печатная работа, установившая историческое значение переписки между хазарским царем Иосифом и политическим деятелем Кордовского халифата Хасдаи Ибн Шафрутом (X в.) и содержащая критическое издание этих документов с русским переводом, была издана уже ИВ²¹.

После С. Е. Винера для продолжения каталога печатных книг на еврейском языке в штат АМ был зачислен в 1924 г. по рекомендации П. К. Коковцова его ученик М. Н. Соколов. Первоначальную подготовку в древнееврейском и сирийском языках он получил в Московской духовной академии. Окончив ее курс в 1915 г., он продолжал свои занятия в Петроградском университете. Ускоренный курс по разряду еврейско-арабско-сирийской филологии он прошел в два года под руководством П. К. Коковцова и И. Ю. Крачковского и был оставлен при университете для подготовки к профессуре. В 20-х годах он развернул многостороннюю научную и практическую деятельность: на факультете был председателем секции древневосточных культур, в качестве доцента вел курсы еврейского и арабского языков, читал со студентами Библию и средневековые комментарии к ней. В то же время он нес обязанности помощника хранителя Семинарии восточных языков и Восточного музея при университете, был также научным сотрудником ИЛЯЗВ, где состоял председателем Секции семито-хамитского языкознания²², был секретарем КВ.

В АМ М. Н. Соколов был хранителем Еврейского отдела. Продолжая работу по каталогизации «*Bibliotheca Friedlandiana*», он завершил расстановку книг по алфавиту внутри раздела буквы (расстановку книг по буквам завершил С. Е. Винер). На его обязанности лежала также регистрация всех новых поступлений на еврейском языке. С именем М. Н. Соколова связаны новые крупные приобретения АМ. В летние месяцы 1926 и 1927 гг., по предложению Этнографического музея в Евпатории, он был командирован в Крым для знакомства с рукописными материалами Караимской национальной библиотеки (Карай-Битиклиги), хранившимися при музее. Совместно с хранителем библиотеки Б. С. Елья-

²⁰ Крачковский, Очерки, стр. 87, 100.

²¹ П. К. Коковцов, Еврейско-хазарская переписка в X веке, М.—Л., 1932.

²² Отчет АМ за 1927 г., стр. 215.

шевичем (Эльяшевичем) он подготовил опись всех рукописей, включавшую свыше тысячи названий²³. В ноябре 1927 г. он был командирован в Казань для определения научной ценности библиотеки упраздненной Казанской духовной академии. Как отметило руководство АМ, только благодаря стараниям М. Н. Соколова выяснилось ее подлинное значение и она поступила в собрания АМ²⁴. Для лучшего освоения литературного наследия караимов М. Н. Соколов потратил много времени и сил на изучение караимского языка, которым занимался даже в труднейших условиях жизни²⁵.

М. Н. Соколов оставил после себя лишь несколько статей источниковедческого характера. Важнейшая из них публикует новые отрывки из законоуложения номинального основоположника и вождя караимского раскола в VIII в. Анана ха-Наси по неизвестной до тех пор рукописи Караимской библиотеки²⁶. Он же исследовал средневековое дидактическое сочинение «Мибхар ха-пениним», приписывавшееся поэту Соломону Ибн Габиролю (XI в.), и пришел к отрицательному выводу относительно авторства поэта-философа²⁷. Его статья дополняет известный уже текст арабского оригинала сочинения новыми его фрагментами, обнаруженными во II собрании Фирковича. Первый опыт научной публикации он посвятил гадательному документу пушкинского времени на еврейском языке, документ принадлежал Г. П. Блоку, двоюродному брату поэта²⁸.

Последние годы своей научной деятельности Соколов готовил к изданию в серии «К истории средневековой еврейской филологии», начатой П. К. Коковцовым, трактаты средневекового грамматика Абу-л-Фараджа Харуна. По замечанию его учителя для этой работы вполне подходило его блестящее знание арабского языка и истории средневековой еврейской филологии²⁹.

В последние месяцы существования АМ его сотрудником стал советский семитолог А. Я. Борисов. Как и его учитель П. К. Коковцов, он был энциклопедистом и основные интересы увлекали его в область еврейско-арабской литературы. Помимо того он основательно изучил пехлевийскую письмен-

²³ Там же, стр. 214—215.

²⁴ Там же, стр. 215; 1928, стр. 195.

²⁵ Письмо П. К. Коковцову от 4.IX.1934 (ЛО ААН, ф. 779, оп. 3, № 389).

²⁶ М. Н. Соколов, Фрагмент «Книги Законов» Анана га-Наси, — ИАН СССР, 1928, стр. 243—253.

²⁷ «Арабский оригинал сочинения „Mibhar ha-penim“, приписываемого Соломону Ибн-Гебирию», — ИАН СССР, 1929, стр. 287—300.

²⁸ «Один гадательный документ начала прошлого столетия», — ЗКВ, I, 1925, стр. 375—380.

²⁹ «Отзыв П. К. Коковцова о работе М. Н. Соколова», — ЛО ААН, ф. 779, оп. 3, № 30; см. также: там же, ф. 4, оп. 4, № 2385.

ность и оставил несколько статей по связанным с ней проблемам. Особенно известен А. Я. Борисов открытием особой версии так называемой «Теологии Аристотеля», одного из важнейших памятников неоплатонизма. Кроме опубликованных работ он написал несколько исследований по истории арабского неоплатонизма. Их издание подготовлено к печати³⁰.

После создания ИВ Еврейский отдел превратился в Еврейский кабинет, которому помимо систематизации и описания книжного и рукописного фондов на еврейском языке были предложены новые научные задачи, в том числе изучение социологии и истории революционного движения в еврейской среде³¹. Были привлечены новые кадры гебраистов. В феврале 1930 г. в ИВ был принят новый сотрудник — В. Л. Дашевский.

В. Л. Дашевский, окончив курс Историко-филологического института в Нежине, поступил на ФВЯ Петербургского университета, где занимался по еврейско-сирийско-арабскому разряду и одновременно по арабско-персидско-турецкому. После этого он был учителем, затем служил в армии, участвуя в это же время в революционном движении. В 1917 г. он вступил в ряды партии, командовал частями Красной Армии во время гражданской войны. В. Л. Дашевский возглавил Рукописный отдел и в то же время принял участие в работе Еврейского кабинета в качестве научного сотрудника. Он сотрудничал с М. Н. Соколовым в описании и подготовке к передаче Караимской библиотеки в Евпатории и рукописей из Карасу-Базара. К сожалению, в последующие годы описи-инвентари этих двух собраний были утеряны и сохранился лишь инвентарь Караимской национальной библиотеки, составленный Б. С. Эльяшевичем.

Научная деятельность В. Л. Дашевского была направлена на изучение быта и социальных движений среди евреев юго-восточных окраин России: крымских, горских, грузинских, бухарских; кроме того, он занимался историей хазар. К его биографии приложен список восьми работ на эти темы и названо около 200 переводов источников по истории восточных евреев с арабского, древнееврейского, еврейско-персидского и тюркских языков³². Были ли эти работы напечатаны, выяснить не удалось. В 1935 г. В. Л. Дашевский вышел на пенсию по болезни.

В 1932 г. в штат Еврейского кабинета вошли И. Г. Бендер и Ю. А. Солодухо.

И. Г. Бендер окончил ФВЯ, где его учителями были

---

³⁰ А. Я. Борисов, К истории неоплатонизма в странах Арабского Востока. Сборник статей.

³¹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1, 1930, № 23.

³² ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 196.

П. К. Коковцов, И. Ю. Крачковский и В. В. Струве. И. Г. Бендер занимался семитскими языками. Его призванием была древнейшая история еврейского народа, изучаемая в тесной связи с историей других народов древнего Востока и их культур. С 1 января 1932 г. Бендер был зачислен в Еврейский кабинет ИВ³³. Он принял после М. Н. Соколова обязательство подготовить к печати очередные выпуски каталога библиотеки Фридланда, издание которых прекратилось с 1918 г. В 1936 г. он опубликовал VIII выпуск под редакцией П. К. Коковцова и подготовил выпуски IX—X, изданию которых помешала война³⁴. Помимо того он собирал материалы для книги «Иудея в VII—V вв. до н. э.». В науку он вошел как критик Библии, опубликовав в качестве первой своей статьи исследование «К вопросу о делении источников Книги Бытия»³⁵. Эта работа опирается на теорию Графа-Вельгаузена и приводит некоторые дополнения к доказательствам взаимосвязи первичных источников Пятикнижия. Он был прирожденным историографом, при этом очень широкого диапазона, как показывает его кандидатская диссертация, посвященная Азарии де Росси, еврейскому историку эпохи Возрождения³⁶.

В конце 1934 г. к работе в ИВ приступил историк Ю. А. Солодухо³⁷.

Получив традиционное в еврейской среде того времени образование и свободно владея еврейскими языками, он экстерном прошел курс и в 1907 г. сдал экзамены за Учительский институт Рижского учебного округа. После этого он преподавал в еврейских школах, давал частные уроки и сотрудничал в еврейских журналах и газетах. В начале 30-х годов он служил секретарем Локального бюро СНР АН СССР. Ю. А. Солодухо сосредоточил внимание на проблемах социальной истории древности и раннего средневековья. Круг знаний дал ему возможность использовать в качестве источников малоизученные в этом плане канонические руководства еврейского народа, образующие Мишну, Талмуд и дополнения к ним. Огромное количество правовых постановлений, справок, примеров, взятых из действительной жизни и народных преданий, предоставляли богатый материал для изв-

---

³³ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 79.

³⁴ «Bibliotheca Freidlandiana». Каталог еврейских книг (изданных до 1892 г.) библиотеки Института востоковедения Академии наук СССР. Вып. VIII. Составил И. Г. Бендер под ред. акад. П. К. Коковцова.

³⁵ ЗКВ, III, 1928, стр. 395—416.

³⁶ «Азария де Росси (1513—1578) как исследователь древней истории евреев». Защита с присуждением степени кандидата исторических наук состоялась 5 июня 1935 г. Опубликованы тезисы диссертации.

³⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 116.

лечения сведений о рабстве и наемничестве, землевладении, торговле и ремеслах, о семейных отношениях и социальных движениях на территории Палестины, Сирии и Ирака в эпоху эллинизма и средних веков. С полным основанием Ю. А. Солодухо проводит в своих работах ту мысль, что своды еврейского канонического права часто отражают правовые нормы и социальный уклад народов, среди которых жили евреи Ирака, в первую очередь парфян и персов, и потому могут служить дополнением к ираноязычным историческим источникам.

В одно время с И. Г. Бендером Ю. А. Солодухо защитил диссертацию на степень кандидата исторических наук по теме «Рабство в еврейском обществе Ирака и Сирии II—V вв. н. э.» В дальнейшем Ю. А. Солодухо наметил создать большую монографию, охватывающую исследованием все стороны социального уклада еврейского народа в Ираке и Сирии в первой половине I тысячелетия н. э.

В 1937 г. Еврейский кабинет был преобразован в Кабинет древнего Востока под руководством В. В. Струве. Секретарские обязанности исполнял И. Г. Бендер, сочетая их с новой работой, посвященной новооткрытым угаритским текстам «Расшифровка алфавита Рас-Шамры». В следующем, 1938 г. в состав кабинета вошла Н. В. Пигулевская, сириолог и византист, принеся с собой два подготовленных к изданию исследования. Свою научную деятельность она начала как историк³⁸ и критик Библии.

В гебраистике ИВ не была представлена лингвистическая струя, несмотря на общий интерес к лингвистике в те годы, когда «новое учение» о языке, созданное Н. Я. Марром, господствовало в гуманитарной науке. Однако ряд проблем семитского языкознания разрабатывал в своих лингвистических трудах талантливый арабист Я. С. Виленчик. К сожалению, его капитальное исследование о происхождении арабского артикля до сих пор остается в рукописи и, вероятно, частично утратило значение.

Продолжение работ по систематизации и описанию еврейских рукописей, начатых М. Н. Соколовым и В. Л. Дашевским, было поручено в 1936 г. новому сотруднику-гебраисту — Ионе Иосифовичу (Осиповичу) Гинцбургу. С 1936 по 1941 г. он составил систематическое описание всех рукописей еврейского фонда ИВ. К началу войны каталог был подготовлен в машинописи с рукописными указателями сочинений и авторов. За это же время И. И. Гинцбург напечатал несколько статей, привлекающих внимание к некоторым важным спискам еврейских и еврейско-арабских сочинений из собрания

---

³⁸ «Восток и евреи в Книге Исая», — «Восток», 5, М.—Л., 1925, стр. 132—139.

ИВ³⁹. Первое место по объему и значению занимает его монография, исследующая уникальный список еврейского перевода, так называемые «Утешения Боэция». Она должна была стать его докторской диссертацией⁴⁰. Необходимо упомянуть также о начатой им работе по подготовке к критическому изданию исторической хроники крымчака Давида Лехно, современника завоевания Крыма Россией. Почти все источниковедческие работы И. И. Гинцбурга касаются исследования рукописных сочинений из собрания АМ—ИВ, тогда как большинство востоковедов обращается за материалом к собранию А. С. Фирковича в ГПБ.

Война прервала десятилетний период углубленного развития гебраистики, впервые поставленной на рельсы планомерного изучения главных направлений культуры еврейского народа. Вместе с продолжением библиографии библиотеки Фридланда в предельно краткий срок был создан каталог фонда еврейских рукописей. Историческое прошлое евреев впервые получило освещение с позиций марксистско-ленинской теории в трудах И. Г. Бендера, В. Л. Дашевского, Ю. А. Солодухо. Мировоззрение евреев Западной Европы в средние века и в эпоху Возрождения отразилось в исследованиях И. И. Гинцбурга и И. Г. Бендера. Языкознанием занимался Я. С. Виленчик, некоторые проблемы языка были затронуты также в неопубликованных статьях И. И. Гинцбурга⁴¹.

Война нанесла кадрам семитологов и гебраистов ИВ огромный ущерб.

Блокадные осень и зима 1941/42 г. принесли тяжелые потери. В ночь на новый, 1942 г. скончался престарелый П. К. Коковцов, последние годы не принимавший активного участия в жизни ИВ, но тем не менее вдохновлявший советских семитологов. Зимой умер И. Г. Бендер, отличавшийся слабым здоровьем. Не выдержал испытаний И. И. Гинцбург, умерший весной 1942 г. После эвакуации университета с ИВ связал свою деятельность А. Я. Борисов, который прочел здесь свой последний доклад о восточных связях древнерусской литературы. Через несколько недель он умер по дороге из Ленинграда. Из небольшой группы гебраистов ИВ остался Ю. А. Солодухо, который возобновил и продолжил свою деятельность в Ташкенте.

В конце 1942 г. коллектив ИВ пополнился семитологом

---

³⁹ И. И. Гинцбург, Каталог еврейских рукописей собрания ИНА, т. I (печатается); его же, Краткий обзор Еврейского фонда Рукописного отдела Института востоковедения АН СССР,—БВ, № 11, в. 10, 1936, стр. 125—130.

⁴⁰ Хранится в АВ, ф. 79, оп. 1, № 11.

⁴¹ Список трудов, приложенный к автобиографии, см.: АВ, ф. 79; см. также оп. 1, № 1—22.

И. Н. Винниковым. Ученик П. К. Коковцова, И. Ю. Крачковского, В. В. Бартольда и Л. Я. Штернберга, он совместил в себе этнографа и лингвиста и благодаря отличному знанию арабского, еврейского и арамейских языков выполнит ряд филологических работ. В эвакуации он продолжал свое большое исследование языка и культуры среднеазиатских арабов. Тогда же он подготовлял материалы к словарю некоторых арамейских наречий.

В марте 1944 г. сотрудницей ИВ стала гебраистка-арабистка К. Б. Старкова (род. в 1915 г.), принадлежавшая к младшему поколению ленинградских семитологов, ученица А. Я. Борисова, И. Ю. Крачковского и В. И. Беляева. Закончив курс аспирантуры при университете в 1941 г., она привезла в Ташкент приготовленную к защите диссертацию, основанную на литературном и текстологическом анализе стихотворных произведений Иехуды Халеви (XII в.)⁴². В Ташкенте она была секретарем Кабинета древнего Востока и работала под руководством В. И. Беляева над описанием арабских рукописей ташкентской Публичной библиотеки.

Возвращение в Ленинград особенно остро дало почувствовать недостаток специалистов. Текущие библиотечные дела принял на себя Ю. А. Солодухо наряду со своей научно-исследовательской работой. К. Б. Старкова с середины 1945 г. стала докторантом, работая снова над темой из истории средневековой еврейской литературы и посвященной поэтическому творчеству Соломона Ибн Габироля (XI в.). Одновременно в аспирантуру ИВ поступил ученик В. В. Струве историк И. Д. Амусин.

В аспирантуре он продолжил занятия древнееврейским языком, который до этого изучал на старшем курсе Исторического факультета ЛГУ. Весной 1949 г. он защитил диссертацию на тему «Послание императора Клавдия александрийцам (41 г. н. э.) как источник для социально-политической истории I в. н. э.».

И. Н. Винников после войны продолжал сотрудничать в Арабском кабинете. В этот период он начал подготовительную работу к составлению сводного словаря арамейских эпиграфических памятников⁴³. В то же время он издал ряд исследований финикийских и арамейских надписей.

К важнейшим заданиям послевоенного времени относился разбор архива П. К. Коковцова. Весной 1942 г. обширные материалы архива, накопившиеся за долгую жизнь составителя, так же как и его библиотека, благодаря инициативе и личным усилиям Н. В. Пигулевской поступили в ИВ. С 1946

⁴² «Ленинградские фрагменты „дивана“ Иехуды Халеви».

⁴³ И. Н. Винников, Словарь арамейских надписей, — ПС, вып. 3—4, 7, 9, 11, 13 (1958—1965).

по 1949 г. над его разбором и систематизацией трудилась сотрудник Рукописного отдела кавказовед Р. Р. Орбели, оказавшая тем самым семитологии неоценимую услугу. Осенью 1949 г. разобранные и описанные бумаги П. К. Коковцова были переданы в Архив АН в Ленинграде⁴⁴.

Новый подъем семитологических дисциплин начался примерно в середине 50-х годов. Образование ЛО ИВ создало возможности для расширения круга специалистов по всем отраслям востоковедной науки.

После восстановления системы специальных кабинетов семитологические дисциплины разместились в кабинетах Древнего и Ближнего Востока, с выделением, как и в прежние годы, Арабского кабинета. Глава и организатор Кабинета Ближнего Востока Н. В. Пигулевская (1894—1970) как сириолог-византист в основу своей научной деятельности положила изучение социальных проблем, связывающих в один круг Византию, Аравию, Сирию, Иран и другие страны бассейна Средиземного моря — Индийского океана. Секретарем кабинета был ее ученик, историк-сабеист А. Г. Лундин, поступивший в аспирантуру под руководство Н. В. Пигулевской в 1955 г. В первичный состав кабинета вошла в 1958 г. сириолог-арабист Р. Г. Рылова (Бикмухаметова), лингвистка, занимавшаяся историей сирийской филологии.

Несколько позднее (в 1960 г.) аспирантуру по сирийской филологии прошла А. В. Пайкова, избравшая специальностью историю сирийской литературы. Закончив курс аспирантуры, она стала научным сотрудником кабинета. В 1959 г. в состав кабинета по разряду сириологии вошла также Г. М. Глушкина, сириолог с основательной гебраистической подготовкой, ученица И. Н. Винникова и Н. В. Пигулевской. Преподавая по совместительству сирийский язык на Восточном ф-те, она через два года, согласно закону о совместительстве, оставила работу в Кабинете, где она занималась составлением сирийской грамматики.

По линии гебраистики в состав Кабинета Ближнего Востока вошел М. Н. Зислин. В 1957 г. к нему присоединился лингвист А. М. Газов-Гинзберг. Позднее туда перешла из Рукописного отдела К. Б. Старкова, и почти одновременно с ней был зачислен в штат кабинета историк И. Ш. Шифман (род. в 1930 г.).

В Кабинете Древнего Востока с 1960 г. гебраистику представлял И. Д. Амусин, под руководство которого была зачислена в аспирантуру для изучения древнееврейского языка М. М. Елизарова, с 1968 г. кандидат исторических наук, ра-

---

⁴⁴ Р. Р. Орбели, Академик П. К. Коковцов и его рукописное наследство, — ОИРВ, II, 1956, стр. 341—359.

ботающая над проблемами, связанными с изучением рукописей Мертвого моря.

Сравнивая состояние гебраистики в настоящем и прошлом, мы отмечаем прежде всего рост количества специалистов. Наличие семи гебраистов одновременно в востоковедном коллективе является несомненным показателем развития дисциплины. Если среди них преобладают историки (И. Д. Амусин, М. М. Елизарова, М. Н. Зислин, И. Ш. Шифман), то в тематике научной работы преобладают проблемы, разрабатываемые на основе и средствами филологии (И. Д. Амусин, А. М. Газов-Гинзберг, М. Н. Зислин, К. Б. Старкова и другие).

Еврейско-арабской филологией, исследование которой выдвинуло в прошлом русскую науку на одно из первых мест в мире, планомерно занимается теперь М. Н. Зислин. Начав свое востоковедное поприще с упорядочения печатных изданий на еврейском языке, в дальнейшем он избрал научной темой изучение литературного наследия средневекового грамматика Абу-л-Фараджа Харуна, с которым его познакомил архив П. К. Коковцова. Он должен был овладеть арабским языком, без основательного знания которого работа в избранной им области невозможна. Занимаясь трудами Абу-л-Фараджа, он сумел выявить неизвестное грамматическое сочинение той же школы и проследить на нем влияние идей этого малоизученного средневекового филолога. Печатные работы М. Н. Зислина являются результатом предвзвешенного изучения памятников, предшествующего критическому изданию полного текста трактата «ал-Кафи» Абу-л-Фараджа.

Проблемами истории древности на основе памятников северо-западной семитской эпиграфики, нарративных источников и документов на древнееврейском и арамейском языках занимается И. Ш. Шифман, которого особенно привлекают важнейшие вопросы социального уклада государств Финикии, Сирии и Палестины. С 1960 г. он опубликовал свыше 50 статей по этим проблемам, не считая монографии о возникновении карфагенского государства⁴⁵ и популярных очерков о мореплавании финикийцев⁴⁶ и финикийском языке⁴⁷.

Ослабление в области исследования средневековой филологии отчасти компенсируется тем, что гебраисты активно включились в изучение крупнейшего открытия современности — рукописей и документов, найденных на побережье Мертвого моря (Хирбет-Кумран и Вади Мурраббат). После

---

⁴⁵ И. Ш. Шифман, Возникновение карфагенской державы, — ПС, вып. 12, М.—Л., 1963.

⁴⁶ «Финикийские мореходы», М., 1965.

⁴⁷ «Финикийский язык» (Языки зарубежного Востока и Африки), М., 1963.

первых работ информационного характера ⁴⁸ появилась серия статей (свыше 20) И. Д. Амусина по различным вопросам истории и идеологии кумранской секты ⁴⁹. Ему же принадлежит заслуга издания первых по этой теме научно-популярных монографий, предложивших советскому читателю перво-классную информацию с самостоятельным освещением ряда сложных проблем ⁵⁰. За труды в этой области И. Д. Амусину присуждена докторская степень.

В настоящее время соединенными силами И. Д. Амусина, А. М. Газова-Гинзберга и К. Б. Старковой с участием М. М. Елизаровой подготовлено издание основных сочинений из Кумранской библиотеки в русском переводе с комментариями. Издание подводит некоторые итоги пятнадцатилетней работы советских гебраистов-кумрановедов.

Помимо участия в работе над кумранскими рукописями А. М. Газов-Гинзберг впервые после смерти арабистов Я. С. Виленчика и Н. В. Юшманова начал разрабатывать проблемы общего языкознания на материале семитских языков. Его разыскания, посвященные кардинальному вопросу происхождения языка, опираются на опыт фонетики и лексики в первую очередь древнееврейского языка, привлекая материал других семитских языков и иных языковых семей. Его основное исследование, являющееся кандидатской диссертацией, рассматривает возможность словообразования путем звукоподражаний ⁵¹. Другие его работы касаются топонимики и племенных отношений древнего Израиля ⁵².

За последнее десятилетие систематические исследования А. Г. Лундина способствовали созданию в советской семитологии новой отрасли — сабеистики. Следуя пути, впервые проложенному И. Ю. Крачковским и Н. В. Пигулевской, А. Г. Лундин сочетает в своих работах историка и филолога-эпиграфиста настолько успешно, что международная сабеистика должна серьезно считаться с научными достижениями ее представителя в Советском Союзе. Основное его внимание направлено на историю сабейского и химьяритского государств ⁵³, но сложность эпиграфических источников, ко-

⁴⁸ К. Б. Старкова, *Рукописи из окрестностей Мертвого моря*, — ВДИ, 1956, № 1, стр. 87—102; е е же, *Новая литература о рукописях из окрестностей Мертвого моря*, — ВДИ, 1958, № 1, стр. 96—111.

⁴⁹ Обзор и характеристике см.: И. Д. Амусин, *Рукописи Мертвого моря. Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук*, Л., 1965.

⁵⁰ И. Д. Амусин, *Рукописи Мертвого моря*, М., 1960 (повторное изд., М., 1961); е го же, *Находки у Мертвого моря*, М., 1964.

⁵¹ А. М. Газов-Гинзберг, *Был ли язык изобразителен в своих истоках?*, М., 1965.

⁵² «Ар-страна Мо'аба», — ПС, 4(67), 1959, стр. 12—16; «Борьба этнических групп („колен“) за власть в Израильском царстве», — ПС, 11, (74), 1964, стр. 25—38.

⁵³ А. Г. Лундин, *Южная Аравия в VI веке*, — ПС, 8(71), 1961.

торые еще находятся в стадии первичного изучения, вызывает необходимость в разносторонних исследованиях хронологии, социальной истории и религии Южной Аравии в древности⁵⁴.

Большинство печатных работ, отмеченных выше, опубликованы в журналах и сериях ПС, ВДИ, ЭВ, НАА и др. Особенно ценно для семитологов восстановление с 1954 г. издания ПС, в чем была немалая заслуга Н. В. Пигулевской, взявшей на себя обязанности ответственного редактора. В настоящее время сборники статей равномерно чередуются с монографиями различного содержания, связанными с историей культуры стран Переднего Востока. Помимо того, советские семитологи за последнее десятилетие не раз сотрудничали в зарубежных изданиях. Не говоря о трудах Н. В. Пигулевской, переведенных на основные европейские языки, следует отметить, что Австрийская АН пригласила А. Г. Лундина опубликовать неизданную часть эпиграфического собрания Э. Глазера⁵⁵. Работы И. Д. Амусина, А. М. Газова-Гинзберга, А. Г. Лундина, И. Ш. Шифмана появились в печати за рубежом в периодических изданиях международного значения. Две статьи К. Б. Старковой опубликованы в Израиле в переводе на еврейский язык⁵⁶.

Прочные связи установились у академической семитологии с Российским Палестинским обществом. Этому особенно способствовала деятельность вице-президента общества Н. В. Пигулевской, учитывавшей общие интересы семитологических организаций. Так, специальное заседание РПО отметило столетие со дня рождения акад. П. К. Коковцова⁵⁷.

Связи с семитологами СССР, работающими в других городах, осуществляются теперь через всесоюзные семитологические конференции, которые намечено собирать каждые два года. Первые две конференции состоялись в 1964 г. в Москве и в 1966 г. в Тбилиси. Почти все гебраисты и семитологи представили доклады и сообщения на обеих конференциях. Точно так же гебраисты и сириологи принимали деятельное участие в возобновившейся работе Ассоциации арабистов.

Как упоминалось, базой развития гебраистики в АМ явилась коллекция печатных книг и рукописей из собрания Л. П. Фридланда. После 1892 г. собрание еврейских книг и рукописей стало быстро пополняться за счет приобретений

⁵⁴ А. Г. Лундин, Сабейский эпонимат и сабейская хронология, — XXVI МКВ. ДД СССР, М., 1963; Иад'ил Зарих сын Сумху 'алай мукарриб Саба', — XXV МКВ. ДД СССР, М., 1960; «Eponymenliste von Saba (aus dem Stamme Hali)», — SBAW, Wien, Phil.-hist. Kl. B., Bd 248 и др.

⁵⁵ См. прим. 54.

⁵⁶ «Кол ха-'ам», 1961, 27.1., стр. 4—5; «Мознаим», 1961, т. 12, № 4, стр. 296—300.

⁵⁷ См. ПС, 11(74), 1964 (История и филология стран Ближнего Востока), стр. 170—181.

от частных лиц (бр. Яхуда, Д. А. Хвольсон) и планомерных закупок восточных материалов по поручению дирекции АМ (В. Ф. Минорский в Иране, В. А. Иванов в Бухаре). В первые годы после революции еврейские рукописи поступали небольшими группами в дар (Я. М. Гинцбург из Бобруйска) или от государственных учреждений, ведавших приемом материалов из частных библиотек, брошенных после революции владельцами или конфискованных у них. Наиболее значительные поступления послереволюционного периода падают на 1930—1931 гг., когда в ИВ были переданы, как уже отмечалось, караимские и крымчакские рукописи из Евпатории и Карасу-Базара. Во время войны наследники гебраиста-этнографа Д. Г. Маггида подарили ИВ собранную им коллекцию рукописей. Последнее крупное приобретение падает на 1957 г., когда Музей истории религии в Ленинграде передал в ИВ 60 пергаментных свитков Пятикнижия и Книги Эсфири богослужебного назначения. В настоящее время ЛО ИВ располагает собранием еврейских рукописей числом около 1200 томов в хорошей сохранности и разнообразного происхождения и содержания.

Отмечая в настоящем очерке несомненные успехи дореволюционной и советской семитологии-гебраистики, мы должны указать, что в настоящее время при естественном стремлении исследователей отзываться на появление новых интересных источников на семитских языках чувствуется потребность в трудах, иногда более основательно опирающихся на филологическое исследование и отражающих еще более серьезное и точное использование сравнительного материала семитских языков и литературы.